



УДК 930.85 (100)

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.9>

А. И. Сыч

## О КУЛЬТУРЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Среди культурологов, филологов, историков время от времени вспыхивают дискуссии о том, что преобладало в развитии русской культуры - преемственность или разрыв? Действительно, можно услышать, когда русскую культуру называют культурой взрывов или разрывов. Так, Ю. Лотман считал, что история русской культуры предстаёт как цепь взрывов. Закономерно возникает вопрос: что вызывало эти взрывы или разрывы?

Известно, что каждый крутой поворот русской истории сопровождался большими культурными изменениями, причём как позитивного, так и негативного характера, когда подвергалась сомнению или даже отрицалась ценность культурных достижений предыдущего периода (например, попытки покончить с русской классической литературой в первые годы Советской власти или стремление вычеркнуть советский период в развитии культуры после развала СССР). Очевидно, существует причинно-следственная связь между социальными потрясениями в истории России (петровские реформы или социально-экономические преобразования, вызванные Великой Октябрьской революцией) и бурными всплесками культурной жизни. Сама самобытность русской истории была, по словам того же Ю. Лотмана, «постоянно действующим фактором, который то спонтанно и неосознанно для самой культуры, то открыто и даже подчеркнуто определяет пути её развития».

То же самое можно наблюдать и в современной России, когда культура сталкивается со сложными реалиями современного мира, которые возникают из-за неоднозначных последствий процесса глобализации, технологических изменений в повседневной жизни (т. н. цифровизация), что ведёт к заметному реформатированию общественного сознания, деградации многих религиозных и этических ценностей. Похоже, что российское общество (и культура как его неотъемлемая составляющая) опять оказалось на распутье, столкнувшись на рубеже XX–XXI вв. с угрозой смены цивилизационного вектора развития, поэтому поиск оптимальной формы общественного бытия остаётся актуальным вопросом повестки дня.

Автор статьи предлагает некоторые свои размышления о судьбе культуры в контексте драматичных катаклизмов российской истории.

**Ключевые слова:** культура, история, модернизация, революция, разрыв.

**Для цитирования:** Сыч А. И. О культуре в контексте российской истории // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 81–86. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.9

Alexandr I. Sych

## ON THE CULTURE IN THE CONTEXT OF RUSSIAN HISTORY

From time to time, there is a continuing polemics about the nature and destiny of Russian culture. Is it possible to speak of Russian culture as a homogeneous, unified whole or, as Yuri Lotman stated, history of Russian culture sees itself as a chain of explosions? Really, Russian culture has often been referred to as a culture of explosions, that is to say, of discontinuity and abrupt rifts. The question arises, can Russian culture be characterised as culture of discontinuity, or has there always been a solid kernel which continues to drive it forward, giving a common ground to the social being of the people?

In the opinion of the author, it is possible to explain this phenomenon only in the context of Russian history. Every turn of Russian history was accompanied by a great cultural upheaval, and caused fierce cultural and historical debates, often with appeals and real actions to deny or re-write the past of country. As examples we can recall the drastic modernization turn to the West by Peter the Great or the post-revolution desire to do away with classical Russian literature at the dawn of Bolshevik power or the post-Soviet attempts to cross out the Soviet period in history and culture after the collapse of the Soviet Union. The very uniqueness of Russian history was, according to Yuri Lotman, «the ever-

acting factor, which then spontaneously and unconsciously to the culture, openly and even emphatically determines the way of its development».

The same phenomena can be observed in Russia today, when our culture is facing the complexities of the modern world, which are due to the ambiguous effects of globalization, technological changes in everyday life (so called digitalization), which leads to a significant reformatting the social consciousness and the degradation of many religious and ethic values. It seems that Russian society (and culture as its integral component) was again at a crossroads, faced at the turn of XX – XXI centuries with the threat of change of the civilizational vector of development, so the search for optimal forms of social life remains a pressing issue on the agenda.

The author offers some reflections on the fate of culture in the context of the dramatic upheavals of the Russian history.

**Key words:** culture, history, modernization, revolution, disruption.

**For citation:** Sych A. On the culture in the context of Russian history // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 81–86. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.9

Как известно, история России отличалась особой самобытностью, которая определялась прежде всего её географическим расположением между разными цивилизационными полюсами. В первые века своей истории страна находилась в зоне влияния византийской цивилизации, а после крушения последней с готовностью приняла эстафету византийского наследия. Русский народ стал ощущать себя её духовным наследником, что проявилось, в частности, в появлении концепции «Москва – третий Рим», которая имела форму религиозного пророчества о будущей великой судьбе России как оплота православной веры, призванной утвердить в мире торжество любви и справедливости.

Вместе с тем уже в первые века своей истории страна стала всё больше испытывать социокультурное воздействие восточных цивилизаций и европейской цивилизации (позднее и западной). И далеко не всегда такое воздействие имело положительный характер. Так называемый татаро-монгольский период исторического бытия русского народа серьёзно и надолго затормозил его социально-экономическое и культурное развитие. Страшным итогом татаро-монгольского нашествия стала гибель огромного числа населения Руси, по разным оценкам, оно сократилось на 40–60 %. Киев, Владимир, Суздаль, Рязань, Тверь, Чернигов и многие другие города были разрушены. По данным наших археологов, из 74 русских городов XII–XIII вв., известных им по результатам раскопок, 49 были полностью разорены во время Батыева нашествия, причём 14 из них так никогда и не поднялись из пепла, а ещё 15 постепенно превратились в сёла. Многие города не могли возродиться очень долгое время. Так, археологические раскопки, например, Чернигова показывают, что после слоя XIII века идёт слой XVII-го. На несколько десятков лет в русских городах практически прекратилось строительство из камня, то есть в течение последующих 50–70 лет на Руси не было построено ни одного каменного здания или церкви. Исчезли сложные ремёсла, такие как производство стеклянных украшений, перегородчатой эмали, черни, полихромной поливной керамики и др. Всего из основных 60-ти ремёсел сохранилось от 3-х до 6-ти. Развитая городская культура Древней Руси понесла очень значительный урон. Южные русские земли потеряли почти всё оседлое население. А уцелевшее население уходило на лесной северо-восток, концентрируясь в междуречье Северной Волги и Оки, где были более бедные почвы и более холодный климат, чем в южных полностью разорённых регионах Руси, а значит и более неблагоприятные условия для занятий земледелием и скотоводством, к тому же вдали от торговых путей.

Монголо-татарское нашествие и более чем два столетия ордынского господства стали национально-культурной катастрофой для русских

земель, что привело к их заметному цивилизационному отставанию от европейских стран. Когда Европа вступала в эпоху первоначального накопления капитала и формирования основ протоиндустриального общества, Русь должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был уже проделан ею до Батая.

Первые попытки преодоления этого отставания пришлось на первые годы правления Ивана IV Грозного, когда был созван первый Земский собор, положивший начало сословно-представительной монархии в России; составлен новый сборник законов – Судебник 1550 г.; создана целая система специализированных центральных ведомств – приказов (прообраз будущих министерств); завершена губная (земская) реформа, которая привела к появлению в волостях и уездах выборных из числа дворян и земских старост из числа зажиточных крестьян; фактически сформирована регулярная армия (стрелецкое войско к концу XVI в. насчитывало до 25 тыс. чел.). Однако неудачная Ливонская война и срыв в кровавую опричнину прервали этот, по сути, модернизационный процесс, а социально-политические потрясения начала XVII в., известные как Смута, не позволили возобновить его в необходимом масштабе и ускоренном темпе.

Впрочем, со второй половины XVII в. правящая элита вновь становится на путь преобразования страны в европейском духе. Прежде всего она стремилась перенимать у Запада новые передовые формы организации экономической жизни и военно-технического обеспечения обороноспособности государства. Именно этим объясняется появление первых мануфактур (впрочем, по своей природе весьма далёких от европейских, которые были начальной формой промышленной организации капиталистического производства), учреждение так называемых полков иноземного строя, переход к политике меркантилизма т. д. Начался процесс секуляризации общественного сознания: организуются новые – частные – школы, преподавание в которых ориентировалось на западноевропейское образование и культурные ценности; переводятся и печатаются труды европейских учёных (напр., Коперника); в живописи возникает новый жанр – парсуна (как переходный этап от иконописи к реалистическому портрету); в 1672 г. появляется первый придворный театр; в обиход элиты постепенно входят некоторые европейские обычаи и предметы быта. Да и политический строй России эволюционировал в сторону установления абсолютной монархии, как и в странах Европы.

Однако сосредоточиться на внутренних преобразованиях не позволяли постоянные военные угрозы извне и сложное геополитическое положение страны. Так, в XVI в. Московия воевала против Речи Посполитой, Ливонского ордена и Шве-

ции в общей сложности 43 года, не прерывая ни на год борьбы с татарами на своих южных и восточных рубежах, а в XVII в. ещё больше – 48 лет, то есть фактически каждый второй год страна находилась в состоянии войны или даже нескольких войн, что приводило к большим людским потерям, подрывало экономику и финансы. Эта тенденция сохранялась и даже усиливалась в последующие столетия – в XVIII в. Россия воевала около 60 лет, а в XIX в. – 67 [См. подробнее: 2, 3]. Поэтому перманентная потребность в обеспечении своей безопасности - а со временем и в проведении внешней экспансии, в том числе с целью возвращения утраченных когда-то русских земель, - становится доминантой и своего рода движущей силой развития Российского государства, определившей специфику политической эволюции страны, в частности, усиление внутренней централизации и непомерное возрастание роли государственной власти в жизни социума.

Отмеченные обстоятельства обусловили такую особенность цивилизационного пути России как её мобилизационный (догоняющий) тип развития в отличие от эволюционного, характерного для западной цивилизации. Для этого типа характерно ускорение эволюционных процессов за счёт сознательного вмешательства государства (часто обусловленного внешней военной угрозой) в экономическое и социальное развитие общества. В контексте русской истории государство не единожды использовало свою монополию на принудительное насилие и внеэкономическое принуждение для постепенного разрушения веками существовавшего традиционного общества. Ярким примером такой роли государственной власти можно считать необходимую и вполне назревшую модернизацию России в период правления Петра Великого, проходившую во время Северной войны, то есть в чрезвычайной ситуации, требовавшей напряжения всех народных сил. Однако обратной стороной преобразовательной деятельности Петра, проводимой весьма радикальными методами, стал глубокий культурный раскол прежде единого русского общества. Европейское образование и культура стали достоянием довольно узкого слоя привилегированных сословий, прежде всего дворянства, в то время как основная масса населения – крестьянство, купечество, городские разночинские слои – оставались приверженцами старорусских культурных ценностей и нравственных норм. Заметим, что раскол общества на европеизированную знать и основную массу народа сохранялся и углублялся и в последующие периоды русской истории.

Сложный и противоречивый исторический путь России не мог не сказаться и на судьбе её культуры. Русский мыслитель и публицист Вадим Кожин отмечал: «В движении посредством социально-культурных катастроф решительно-

го отрицания предшествовавших этапов своего развития – своеобразии исторического пути России и её культуры» [4, с. 360]. К таковым, то есть наиболее глубоким разрывам в русской истории, он относил время крещения Руси, монгольский период, царствование Петра I, 1917 и 1991 годы. Известный российский культуролог А. С. Ахиезер также считает характерной чертой исторического развития России постоянный раскол культуры, что отражалось и на социальных отношениях в государстве [См. подробнее: 1].

Такого рода расколы или, точнее, разрывы культуры случались, как правило, в те периоды истории, когда ради пришедших извне «новаций» предпринимался радикальный отказ от веками складывавшихся устоев бытия и сознания. В качестве примеров можно вспомнить глубинные преобразования после Великой Октябрьской революции, осуществлённой большевиками – последователями марксизма – западного по происхождению учения, привнесённого на русскую почву. Или реформы 1990-х годов, изменившие – опять же в соответствии с западными лекалами – параметры и саму сущность советской системы. Понятно, что такие катаклизмы не могли не сказаться и на состоянии культуры.

После Октябрьской революции на смену одному укладу и построению жизни пришёл не просто другой, а кардинально другой. Этот уклад нёс в себе попытку сплочения людей на основе единых общих целей и смыслов. И во имя этого старое (в том числе и культура) разрушалось, зачастую грубо, жестоко и даже кощунственно. Страна лишилась многих выдающихся композиторов, писателей, поэтов, философов, которые, не приняв новый режим, предпочли эмиграцию. Старая, то есть дореволюционная, культура объявлялась чуждой народу, «дворянской», обслуживавшей интересы господствовавших эксплуататорских классов и т. п. Такая же судьба поначалу постигла и преподавание истории (школа М. Н. Покровского).

В то же время это разрушение происходило ради создания нового общества со своей системой ценностей, моральными императивами, оригинальной культурой. Революция дала сильнейший импульс развитию культурной жизни, приобщив к ней миллионы людей. Страна искала себя после мировой войны и революции, после великих переломов и перенесённых страданий и жертв. Держава рабочих и крестьян рождала новые – простонародные – песни, стихи, плакаты, создавала пантеон своих героев (роман «Как закалялась сталь» Н. Островского, кинофильмы «Чапаев», «Щорс», «Котовский», «Пархоменко»), но также и новые художественные стили и формы творческого самовыражения. Дух эпохи – и аскетичной, и триумфальной – зримо воплотился в архитектуре советского конструктивизма. Создают свои шедевры, открывая новые направления

в киноискусстве и, по сути, новый киноязык, Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко, Вертов. Шолохов пишет «Тихий Дон», Булгаков – «Белую гвардию» и «Мастера и Маргариту». Расцветает творчество Шостаковича и Дунаевского.

Таким образом, «разрушительный порыв» революции в области культуры оказался сравнительно недолгим, и уже в 1930-х гг. началось «освоение классического наследия». Появляются первые экранизации произведений дореволюционных авторов, в 1937 г. увидело свет роскошное издание произведений А. С. Пушкина. Реабилитированы были важнейшие черты русской ценностной парадигмы – историческая преемственность и патриотизм, оказавшиеся особенно актуальными в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны. Это проявилось, например, в создании таких кинокартин, как «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Кутузов», «Суворов», «Нахимов», «Адмирал Ушаков». После войны эта тенденция укрепилась ещё больше, например, в 50–60-е годы XX в. В школьных программах по литературе значительное место отводилось изучению творчества Лермонтова, Достоевского, Толстого, Блока, Есенина и других русских писателей и поэтов. В репертуарах театров вновь появились классические оперы и балеты, продолжилась экранизация произведений классической русской литературы (вспомним хотя бы такие замечательные фильмы как «Идиот», «Дама с собачкой», «Война и мир», «Анна Каренина», «Братья Карамазовы» и др.).

Так восстанавливалась преемственность в развитии культуры, её ценностные ориентиры, моральные традиции и общечеловеческие смыслы. Классическое наследие русской культуры было вновь востребовано и органично вписалось в культурную политику Советского государства, официальные идеологические установки которого были очень близки или даже повторяли – разумеется, в стилистике современных терминов и понятий – многие составляющие русского ценностно-культурного кода (патриотизм, государственность, уважение к историческим традициям, верность традиционным семейным ценностям и т. д.). Правда, специфику русского мироощущения невозможно представить без православия в качестве национальной религии. Один из лучших православных богословов, профессор Московской духовной академии Алексей Осипов утверждал, что советская культура формально была атеистической, а по сути – глубоко православной, ибо в детских и юношеских книгах, художественных фильмах и даже мультфильмах советского времени, не было, конечно, пропаганды религии, но зато ощущался восточнославянский православный дух. Официальные установки в области культуры, которые можно свести к одному знаменателю, а именно: сделать человека лучше,

гуманнее, добрее, перекликались и, в сущности, были позаимствованы из заповедей раннего христианства.

Очередной разрыв российской культуры случился в конце XX – начале XXI вв. после развала СССР, когда начался переход к западной модели общественного развития. Внедрение, а точнее насаждение сверху таких элементов либерального капитализма, как рынок, частная собственность, приватизация, демократия, идеологический плюрализм очень быстро привело к колоссальному социальному расслоению, обнищанию большей части населения, появлению алчной олигархии, невиданной коррупции, духовной деградации. В этих условиях состояние и развитие культуры определялось такими факторами, как отказ от обязательной государственной идеологии и соответственно государственного регулирования (цензуры, Главлита и т. д.) этой сферы общественной жизни, что сопровождалось и резким сокращением государственного финансирования как культуры, так и образования с наукой. Отсюда такое явление как коммерциализация культуры, когда мерилем творческих достижений становился прежде всего коммерческий успех созданного произведения или, как стали говорить, «культурного продукта», а также ориентация на массового потребителя и западные эстетические стандарты. По поводу увлечения западными, а точнее американско-голливудскими стандартами недавно ушедший актёр А. В. Мягков заметил: «Мы так бесстыдно подражаем американцам! Боевики, драки, бесконечный экшен. Кино стало бесчувственное, бессердечное. Это не русское искусство. Его мы забросили совершенно. У советского кино было своё лицо, а сейчас его взяли, повернули затылком и нарисовали на нём американскую физиономию».

К сожалению, огромная часть населения переориентировалась на так называемые ценности общества массового потребления, что в целом привело к резкому и заметному снижению художественного уровня искусства. Многие из представителей творческой интеллигенции, стлавшие о своей тяжёлой жизни в советское время, об отсутствии свободы творчества в условиях «свирепой» цензуры и различных запретов, в 1990-е годы обрели вожделенную свободу (которая на деле обернулась вседозволенностью и моральным релятивизмом) и оказались... творчески бесплодными, неспособными создать книгу, фильм, картину, спектакль, которые бы стали явлением культурной или, как это часто бывало в советский период, даже общественной жизни. И тут можно согласиться с мнением российского писателя и журналиста Фёдора Раззакова, что эти деятели состоялись в искусстве не вопреки, а благодаря Советской власти, подтверждением чему служит и тот неоспоримый факт, что после «крушения тоталитарного режима» и «торжества свободы и демо-

кратии» им не удалось создать ничего соизмеримого с шедеврами советской эпохи [См., напр.: 5]. На это наступившее безвременье в российской культуре откликнулся Евгений Евтушенко: «Великих книг у нас не стало. Неужто ты рожать устала пророков, русская земля? Беда...».

Стремление приспособиться к новым и в общем-то чуждым, нехарактерным для российской культурной идентичности реалиям, потакание дурновкусию, бездумное заимствование чужих форм духовной жизни, лихорадочная погоня за коммерческим успехом – всё это нанесло сильнейший удар по культуре. На рубеже XX–XXI вв. в стране стало формироваться общество современной массовой культуры, которое становилось всё более индивидуализированным и во многом вестернизированным, прагматичным и рациональным, то есть, по сути, глубоко оторванным от своих традиционных исторических корней и базовых ценностей русского народа. Вместо создающей энергии и увлечённости высокой целью построения нового, невиданного ещё в истории общества, характерными для нескольких поколений советских людей, на первый план вышли интересы потребителя-мещанина, ограниченные определённым набором материальных благ (тряпки, отдых в Турции, приобретение автомобиля, как правило, в кредит, покупка новых гаджетов). Происходила девальвация таких ценностей как соборность, коллективизм, духовность, бескорыстие, национальная идентичность и др. На пороге нового столетия возникла реальная угроза историческим и культурным традициям народа, особенностям национального характера и соответственно опасность переформатирования общественного сознания. Российское общество оказалось на распутье, так как фактически встал вопрос о смене цивилизационного вектора развития страны. В России начался непростой поиск оптимальной формы своего общественно-бытия, социальной организации, приоритетов культурной развития в условиях новых вызовов и реалий наступившего XXI века.

Таким образом, в контексте истории России культуре, впрочем, как и обществу в целом, присуще было стремление, с одной стороны, к мо-

дернизации, готовность воспринимать «иной» опыт, а, с другой, обращение время от времени к традиционным ценностям, их, так сказать, активизация, что нередко приводило к довольно жёсткому противостоянию этих двух тенденций, следствием чего и становились периоды разрыва культуры, что выражалось в радикальном отказе от культурных канонов и достижений предшествующего этапа. В 1994 году ленинградский писатель Даниил Гранин, характеризуя состояние культуры в результате развала СССР и начавшихся «либеральных» реформ, в одном из своих интервью справедливо сказал: «Оборвалась цепь времени, и культура оказалась беззащитной. От неё ждут нового слова, но новое появляется не на кладбище, а вынашивается в утробе уходящего. Критиковать прошлое естественно и необходимо. Но отказаться от советского наследия – варварство. ... История не терпит обрывов» [Цит. по: 4, с. 340]. Перефразируя Д. Гранина, можно сказать, что и культура не терпит обрывов.

И, действительно, исторический опыт свидетельствует, что такие отказы от культурного наследия предшествующей эпохи (или так называемые разрывы культуры) приводили к тяжёлым культурным потерям и морально-нравственным деформациям, и только последующий нелёгкий, подчас мучительный возврат на собственный самобытный путь спасал страну. Тяжело переживая бедственное состояние российской культуры в результате лихолетья 1990-х гг., один из наиболее ярких представителей «деревенской прозы», русский советский писатель Валентин Распутин тем не менее писал: «Я верю в выздоровление. Такие духовные запасы, такое культурное богатство, такая народная мощь, как у нас, не могут быть погребены...».

За трагическим непониманием и безоговорочным отрицанием ценностей предшествующей эпохи через какое-то, возможно, даже значительное время, на новом повороте истории отвергнутые ценности будут востребованы и осмыслены. Будем надеяться, что признание единства и самоценности всех периодов отечественной истории и культуры станет необходимой компонентой самосознания народа России.

#### Список источников и литературы

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). М., 1991.
2. Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск, 860–1914 гг.: справочник: в 2 томах. М.: Руниверс, 2018.
3. Волков В. А., Воронин В. Е., Горский В. В. Военная история России с древнейших времён до конца XIX в. М.: МПГУ, 2012. 224 с.
4. Кожин В. Грех и святость русской истории. М.: Эксмо: Яуза, 2010. С. 360. 480 с.
5. Раззаков Ф. И. Почему не гаснут советские «звёзды». М.: Эксмо: Яуза, 2010. 576 с.

#### References

1. Akhiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokulturnaya dinamika Rossii) (Russia: criticism of historical experience: social and cultural dynamic in Russia). Moscow, 1991 (In Russian).
2. Voennye konflikty, kampanii i boevye deystviya russkikh voysk, 860–1914 gg. (Military conflicts, campaigns and fighting of the Russian troops, 860–1914): handbook: in 2 volumes. Moscow: Runivers, 2018 (In Russian).

3. Volkov V. A., Voronin V. Ye., Gorskiy V. V. Voennaya istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XIX v. (Military Russian History since ancient time until the late XIX century). Moscow: MPSU publ., 2012. 224 p. (In Russian).
4. Kozhinov V. Grekh i svyatost russkoy istorii (Sin and holiness of Russian history). Moscow: Eksmo: Yauza, 2010. 480 p. (In Russian).
5. Razzakov F. I. Pochemu ne gasnut sovetskie «zvezdy» (Why the Soviet “stars” do not go out). Moscow: Eksmo: Yauza, 2010. 576 p. (In Russian).

**Сведения об авторе**

**Сыч Александр Иванович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича; e-mail: asych\_chnu@yahoo.com

**Information about the author**

**Alexander Sych** – Doctor of History, Professor, Chief of World History Department, Yuriy Fedkovych Chernovtsy National University (Chernovtsy, Ukraine); email: asych\_chnu@yahoo.com